

СТЕФАН ГРАБИНСКИЙ

Музей чистилищных душ

Перевод Н. Смирновой
Издательство "Энигма"
OCR: Pasha Keith

Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный,
уготованный дьяволу и ангелам его.

Мф. 25:41

Из пламени напев донесся к нам...
И я увидел духов, шедших там.

*Данте. Божественная комедия.
Чистилище, XXV, ст. 122, 124*

Остановились перед следующей витринкой. Под стеклянной крышкой на подушечке алого бархата лежала старая, переплетенная в сафьян книга. Ксендз Лончевский, приподняв крышку, извлек экспонат и любезно протянул его доктору для рассмотрения.

— Служебник из приходского костела в Виннице. — Священник давал пояснения тихим, слегка дрожащим от старости голосом. — А вот и оттиск. Очень отчетливый, — добавил он чуть спустя.

— Действительно, — ответил доктор Пронь, раскладывая книгу на столе. — Интересный знак. Да какой глубокий! Словно от железной, добела раскаленной руки.

Ксендз с гордостью смотрел на свой раритет.

— А главное, подлинный, пан доктор. Оригинал. Верно, Хелена? — обратился он за одобрением к племяннице, болезненного вида красивой барышне со светлыми волосами, внимательно следившей за лицом ученого.

— Верно, — несмело подтвердила та.

Пронь кинул на девушку быстрый взгляд, усмехнулся чуть недоверчиво и вернулся к книге.

Знак и вправду вызывал удивление. Начиная с десятой страницы, виден был выжженный оттиск человеческой руки, очень сильный, пропечатавшийся на много страниц вглубь. Рисунок пальцев четкий и выразительный, оконтуренный темно-коричневым ободком, — по краям оттиска бумага носила явные следы огня.

— А вам известна история этого знака? — спросил молодой ученый племянницу ксендза.

— Пояснения вот тут на карточке, она подвешена сбоку, — избавил ее от ответа дядя. — Вы можете прочитать.

Пронь быстро пробежал глазами листок, исписанный очень мелким, но разборчивым почерком:

«В лето Господне 1730-е после Троицы на другой день, в Винницком костеле прихожанам, собравшимся на службу, воочию показался пан Бонавентура Лашч, усопший владелец

Винницкой вотчины, отличавшийся при жизни нравом неистовым и беспутным, и потребовал своей грешной душе заупокойных молитв. В довод же неложности своего появления пропалил насквозь сию богослужебную книгу».

— Службник этот, — заключил историю ксендз, — подарил мне на память покойный Дра-ган, священник винницкий, узнав, что я завожу музей чистилищных душ.

— Занимательный экземпляр, — вполголоса буркнул Пронь, переходя к следующему *curiosum*.

Это был квадратный кусок холстины с выжженным отпечатком пяти пальцев; оттиск был не сквозной, деликатный, будто ткани лишь слегка коснулись рукой.

— След руки подлинный, — рассказывал ксендз, — пять лет тому назад найден крестьянином нашего прихода Анджеем Шверком. Он обнаружил его на поставе холста в заброшенной хате, где некогда проживали Острвенжи. Утверждают, что в доме том, опустевшем после загадочной гибели последнего представителя рода, водились духи.

— А это тоже принадлежит музею? — спросил ученый, указывая на старинный дубовый стол в углу комнаты.

— Разумеется, это один из лучших моих экспонатов. Дар приходского костела в Пшемыслянах. Советую приглядеться к нему поближе.

Пронь склонился над столом и в самом центре дубовой столешницы углядел глубокий оттиск женской руки.

— Интересно, — прошептал он, вопросительно глянув на девушку.

— Рука графини Лось, Хелены, из дома Гетнеров, — ответила племянница ксендза, странно меняясь в лице под взглядом доктора. — Девятнадцатого июля тысяча семьсот пятидесятого года призрак умершей явился среди бела дня в Бжуховицах близ Пшемыслян с мольбой о поминовении и просьбу свою засвидетельствовал этим знаком, оставленным на столе.

— Сын ее, граф Юзеф, — добавил ксендз, — подарил этот стол вместе с описанием происшествия, выбитым на мраморной табличке, костелу в Пшемыслянах, а оттуда этот бесценный экспонат поступил в наш музей.

— Странное дело, — заметил доктор, — в явлениях стигматопластии* (* Оттиски в глине либо в воске, оставляемые фантомами, появляющимися на спиритических сеансах (греч.)) наблюдается одна и та же особенность. Читая соответствующую литературу, я не без удивления обнаружил, что страждущие души имеют обыкновение обнаруживать себя одинаковым способом. Выработали, что называется, свой стиль. К примеру, весьма часто упоминаются следы рук на столах или дверях. Видимо, дерево исключительно восприимчиво к печатям с того света.

— Именно так, — спокойно подтвердил ксендз, стараясь не замечать легкого оттенка иронии в словах гостя. — В нашей коллекции много оттисков, оставленных как раз на дереве. Но один только этот оригинальный, все остальные — копии. Вон тот, например, маленький столик, черного дерева, является точным воспроизведением монастырского стола из доминиканского аббатства в Испании, след же оставлен рукой одного из почивших братьев.

— А вот, — вмешалась в разговор Хелена, — альбом с цветными копиями других знаков.

Пронь открыл поданный ему фолиант и принялся с любопытством рассматривать собранные в нем зарисовки и снимки. На особо заинтересовавшем его изображении он задержался чуть дольше — массивные, железом окованные двери с выжженным в центре одной из створок женским профилем.

— «Года тысяча восемьсот пятьдесят девятого, — вполголоса прочел он справку внизу, — в обители францисканок в Фолиньо близ Ассизи умершая монахиня Тереза Джотти явилась огнем объятая сестре Анне Феличи, спасавшейся в том же монастыре, и, в показание подлинности своего пришествия, коснулась пламенеющим ликом сих дверей».

— Ну вот, опять же «сих дверей», — констатировал доктор, возвращая альбом на место.

Перешли к следующим экспонатам. Любезный хозяин открыл барочного стиля шкафчик и

вынул с полки какие-то свертки, старательно обернутые в шелк и перевязанные лентами шафранного цвета.

— Платки чистилищных душ, — объявила Хелена, развязывая один из пакетиков.

На стол посыпались квадратные и треугольные лоскуты: платки, косынки, скатерки, полотенца из тканей самого разного достоинства — от грубой холстины до деликатного батиста или воздушного газа, попадались также гипюровые и кружевные; на всех различимы были буроватые оттиски пальцев, рук и фрагменты слегка намеченных лиц: профили, носы, щеки, уши.

— Плод моих более чем тридцатилетних поисков и трудов, — горделиво сообщил ксендз с улыбкой мальчугана, показывающего взрослым свои сокровища. — Хеля! Убери все на свое место.

— А там у вас что хранится? — спросил Пронь, указывая на продолговатую стеклянную шкатулку, оправленную в серебро.

— Фотографии и портреты людей, которым души, страждущие в чистилище, в память своего явления выжгли знаки на теле.

Хелена, видя, что ученый вознамерился обследовать помещение дальше, остановила его замечанием:

— В той части зала вы не найдете ничего интересного.

— Почему же? — заупрямился Пронь, — Может быть, именно там я чем-нибудь особенно заинтересуюсь.

— Там собраны экспонаты сомнительного происхождения, а то и вовсе фальшивые, плоды, так сказать, мистификации, — неохотно признался хозяин.

— И вы, ваше преподобие, зная об этом, все равно храните их в своем музее? — удивился Пронь.

Ксендз, смешавшись, потупился и смущенно ответил:

— Такое, знаете ли, пристрастие, причуда коллекционера. Быть может, вам известно, пан доктор, что заядлые филателисты вполне сознательно собирают также марки фальшивые и откровенно поддельные? Впрочем, мне со своими подделками трудно расстаться еще и потому, что об их неподлинности я узнал всего лишь несколько лет назад.

Ксендз исподтишка взглянул на племянницу.

— Ясно, вы к ним просто-напросто привязались, и теперь вам жалко их выкинуть. И кто же открыл вам глаза на истинное положение вещей, кто вывел ваши фальшивки на чистую воду?

Вопрос привел ксендза в явное замешательство.

— Я, — прервала неловкое молчание Хелена.

— Вы?

Пронь посмотрел на нее внимательнее. Девушка еще больше побледнела и словно бы напряглась.

В голову ему пришла одна идея. Схватив девушку за руку повыше сгиба и пристально глядя ей в глаза, доктор зажал пульс Хелены большим пальцем. Тело ее тотчас застыло, словно сведенное внезапной судорогой, глаза закатились, лицо обрело выражение сонной маски.

— Гм... — буркнул он, довольный открытием. — Теперь понятно.

— Что вы с ней сделали, пан доктор? — встревожился перепуганный ксендз.

— Ничего особенного, вполне невинный маленький опыт. — Пронь легонько потер пальцами лоб и переносицу девушки.

Она очнулась и с удивлением глядела на них.

— Что такое? Что со мной было?

— Пустяки, — успокоил ее Пронь, благожелательно улыбаясь, — вы всего-навсего немножко соснули.

— Я спала?

— Совсем недолго, не больше минуты. К тому же, я полагаю, это состояние для вас не

ново, с вами такое случалось уже не раз. Ведь я прав?

Девушка опустила голову.

— Да, — наконец призналась она с большой неохотой.

— Итак, — заключил гость, — осмотр музея закончен или у вас имеется еще что-нибудь для показа?

— Следующая зала тоже отведена под музей. Там хранятся интересные отливки в гипсе и бронзе. Но я думаю, на сегодня хватит. Времени впереди предостаточно, я вас отсюда скоро не выпущу, пан доктор. Теперь же, как говорится, подошла hora canonica: надо чем-нибудь подкрепить грешное тело. Хеля, все ли готово?

— Обед подан, прошу к столу, — объявила, войдя в комнату, симпатичного вида старушка.

Доктор Пронь галантно подал руку Хелене.

Обед прошел мило и непринужденно. Незамысловатые, но вкусные яства, окропленные старопольским медом, не только подкрепили грешные тела, но и приподняли настроение.

Вслед за последним блюдом подали черный кофе, и мужчины, подхватив чашки, перешли в небольшой салон. Ксендз, прикрыв дверь в соседнюю комнату, удобно расположился в старинном кресле и, попыхивая пенковой трубкой, подвинул гостю сигаретницу. Выпустив под потолок несколько завитушек, Пронь приступил к послеобеденной беседе.

— Когда вы основали музей, ваше преподобие?

— В тысяча восемьсот семидесятом, ровно сорок два года назад. Мне было тогда тридцать лет, и я только что получил здешний приход.

— Думаю, ваш музей возник неспроста, что-то должно было вас на это подвигнуть. Какой-нибудь факт, событие? Столь оригинальная идея не может возникнуть ни с того ни с сего.

Ксендз загадочно усмехнулся.

— Вы не ошиблись, пан доктор. Действительно, помысел основания музея чистилищных душ родился под влиянием происшествия, которое поразило меня до глубины души. Но, поскольку история эта тесно связана с одним из экспонатов, хранимых в той зале, которую мы собираемся посетить завтра, я вам расскажу ее при осмотре.

— Буду очень признателен. Вы представить себе не можете, как меня все это интересует. Значит, музей возник исключительно благодаря этому происшествию?

— Ну, я бы так не сказал. Были и иные побуждения, но не такие сильные. Этот факт оказался решающим. Надо вам сказать, что еще совсем молодым клириком я чувствовал какую-то особую жалость к душам, мающимся в чистилище, и тогда уже пообещал себе окружить их особой пастырской заботой. Приняв здешний приход, я начал править службы за их упокой, мне случалось в одну неделю отслужить по ним несколько месс.

— Любопытно! — дивился Пронь. — Должно быть, преподобный отец, у вас много близких людей на том свете?

Ксендз на минуту задумался.

— Я рано осиротел, родителей не помню совсем, семейство почти все повымерло. Род наш слишком быстро угас. Нет, пан доктор, дело тут не в личных мотивах, мое необычное расположение к чистилищным душам имеет более глубокие корни. Основывая музей, я, прежде всего, хотел собрать материал, который бы неопровержимо доказал людям, что чистилище и ад существуют, что душе уготована та или иная посмертная участь.

— Совершенно с вами согласен. Я тоже верю в потустороннее существование и даже в посмертное искупление. Вопрос лишь в форме этого существования и в характере загробного наказания.

— Подлинность чистилища и ада — догмат Святой Церкви, пан доктор, — с нажимом произнес ксендз Лончевский.

— Что вовсе, однако, не означает подлинности карающего огня, — возразил ученый.

— Карающий огонь жжется по-настоящему, это заверено авторитетом Отцов Церкви и откровениями святых Господа нашего. Святой Августин называет его огнем разумевающим и премудрым, действительно исполняющим наказание: хоть и дивен огонь тот, но опалает

воистину. А вот что пишет об адском пламени святой Иосафат: «Се есть место, уготованное для грешников, в пламени несгораемом сожигаются уступившие похотям своего неверного сердца, за кратковременное прельщение земное тут отмерится карою нескончаемой во веки и веки».

— Страшные, безмилостные слова, преподобный отец.

— В них, однако, святая истина. «Кто из нас может жить при огне пожирающем? кто из нас может жить при вечном пламени?» — вот грозный вопрос, который ставит перед нами Исаия в главе тридцать третьей своей книги.

— Я все же полагаю, что проблема сущности адского пламени остается открытой. Для меня это пластический символ мук и раскаяния души, страждущей от своих земных заблуждений.

— Обычная уловка людей с удрученной совестью. Но это страусова политика, пан доктор. И разве не сказал великий итальянский провидец в двадцать пятой песни своего «Чистилища»:

Здесь горный склон — в бушующем огне,
А из обрыва ветер бьет, взлетая,
И пригибает пламя вновь к стене;

Нам приходилось двигаться вдоль края,
По одному; так шел я, здесь — огня,
А там — паденья робко избегая*.

** Данте. Божественная комедия.
Чистилище, XXV.
Перевод М. Лозинского.*

Ксендз на минуту прикрыл глаза, наслаждаясь чеканным ритмом святой поэмы. Пронь, слегка усмехаясь, не прерывал наступившего после декламации молчания. Затем, стряхнув с сигареты пепел, склонился к разнеженному дантовскими терцинами старцу и заметил:

— Однако, преподобный отец, процитированный вами поэт не очень-то тверд в том, что касается загробных мучений.

— Как это? — возмущенно вскинулся ксендз.

— Очень просто. Кары, описанные в «Божественной комедии», иногда совершенно противоположны огненной муке, о которой у нас идет речь. Вспомните, предатели у Данте не в огне жарятся, а окованы льдом, чревоугодники очищаются алчностью и жаждой, а гордецы таскают на себе тяжелые глыбы.

— Так ведь это же поэтическая фантазия, — защищался раздраженный священник, — я же не считаю «Божественную комедию» Символом веры или Евангелием.

— Тем не менее, ваше преподобие, — безжалостно уличил его доктор, — вы только что пытались использовать эту поэму в качестве аргумента в нашем споре.

— Но вы же, — запальчиво перебил гостя хозяин, — вы же рассмотрели мою коллекцию. Разве следы, выжженные покаянными душами в присутствии надежных свидетелей, не служат для вас достаточным доказательством действенности карающего огня? Или вы считаете весь мой музей мистификацией и сомневаетесь в подлинности экспонатов?

— Нет, ваше преподобие, в подлинности экспонатов, во всяком случае большинства из них, я не сомневаюсь. Кому, как не мне, верить в возможность подобных феноменов. Во избежание фальши не стану от вас скрывать рода своих занятий: я парапсихолог. То, что знаки, оставленные фантомами, имеют вид выжженных отпечатков, для меня вовсе не доказательство материальности потустороннего пламени.

— Вот тебе раз! Это почему же? И как иначе можете вы объяснить подобное чудо?

Пронь улыбался довольный. Запальчивость оппонента явно импонировала ему — он любил

споры с накалом.

— Знаки, оставленные душами умерших, — отчеканивая каждое слово, произнес ученый, — выглядят выжженными потому, вернее сказать, они выжжены именно потому, что оставлены душами тех, кто при жизни верил в посмертное наказание огнем.

— Безумная интерпретация, — горячо воспротивился старец, — этим меня не убедить.

— Я не собираюсь никому навязывать свои взгляды, но, раз уж зашла речь, я прямо и откровенно высказываю свое мнение,

— Значит, вы полагаете, что люди и после смерти...

— Веруют в то же, во что веровали при жизни, а многие свое потустороннее существование воображают в виде огненной муки.

— Но тогда выходит, что...

— Выходит, что не всегда и не во всем умершие осведомленнее живых. Я глубоко убежден, что люди прихватывают с собой на ту сторону почти все предрассудки, пристрастия и заблуждения, каким следовали в своей земной юдоли.

— И как же вы представляете себе техническую, извините за выражение, сторону этих знаков? Их опаленность?

— Их специфическая окраска обычна при каутеризации — прижигании тканей в медицинских целях; знаки эти стигматопластического или, как еще говорят, идеопластического характера, что, впрочем, одно и то же: они вполне подобны тем, что оставляют фантомы, возникающие в процессе материализации.

— *Apage, satanas!** (* Прочь, сатана! (лат.)) — прошептал расстроенный оборотом разговора священник. — Нам не прийти к согласию никогда.

— Извините за уверенность, с какой я высказываю свои суждения, такова уж моя привычка. У меня нет претензии на всеведение, я всего лишь выдвинул гипотезу.

— Ладно, давайте оставим наш спор, он делается бесплодным.

Ксендз взглянул на часы.

— Уже пять. Мне пора к вечерне. Не хотите пойти со мной? В нашем костеле для вас тоже найдется кое-что интересное.

— Охотно, преподобный отец.

— Станьте справа от главного алтаря и взгляните попристальной в его верхнюю створку.

— Непременно последую вашему совету.

Выйдя из дома, они двинулись извилистой тропкой, через сад бегущей к костелу.

Пребывание у ксендза Лончевского затянулось для психолога на несколько недель. Выезжая сюда месяц назад из Варшавы, он и мысли не допускал, что псевдонаучная, как он ее сразу же обозвал, экскурсия обратится в богатую результатами экспедицию. Он надеялся самое большее позабавиться курьезами эксцентричного патера, о котором кружили по стране самые невероятные слухи, но музей сверх всякого чаяния оказался по-настоящему занимательным и годным для научных изысканий.

Поощренный радушием хозяина, предоставившего ему полную свободу действий, ученый с жаром принялся за работу: каталогизировал музейную коллекцию, распределил экспонаты по категориям, сделал для себя необходимые извлечения.

Тщательно обследовав всю коллекцию, Пронь пришел к выводу, что музей Лончевского является интереснейшим и единственным в своем роде памятником медиумизма. Особенно экспонаты, хранимые во втором зале музея, утвердили его в этом убеждении. В основном, это были гипсовые отливки рук, ног и лиц, вогнутые либо выпуклые. Иногда попадались похожие отпечатки в глине, воске и парафине.

Рассмотрев экспонаты внимательней, Пронь заметил, что лишь некоторые из них — золотисто-коричневого оттенка — походили на выжженные знаки, большинство же не имело никаких следов каутеризации.

Когда он обратил на это внимание ксендза, старец смутился.

— Я думаю, — не очень убедительно толковал он, — что грешные души тут ни при чем, может, знаки эти оставили нам на память души светлые, уже очищенные огнем.

Пронь недоверчиво покачал головой.

— Это же типичные образцы идеопластики. Как они к вам попали, преподобный отец?

Воцарилось напряженное молчание. Старец явно не хотел отвечать. Красноречивые взгляды, бросаемые на присутствующую при разговоре племянницу, убедили Проню, что он столкнулся с какой-то тайной.

— Я полагаю, дядя, — наконец решительно произнесла девушка, — у нас нет причин таиться перед паном доктором.

— Как тебе удобнее, Хеля, — с облегчением отозвался ксендз, — это твое личное дело.

— Вы не ошиблись, пан доктор, — призналась Хелена, — это наши знаки.

— Ваши? Не понимаю.

— Наши... то есть они возникли в нашем доме, появились именно тут.

Пронь, наморщив брови, какое-то время пристально вглядывался в бледную девушку.

— Ясно, — наконец прошептал он, — я должен был догадаться сразу. Значит, знаки эти фантомального происхождения и появляются они во время трансов, в которые иногда погружается панна Хелена.

— Да, — подтвердил ксендз, — Хеля действительно иногда впадает в странное состояние очень глубокого сна, близкого к коме, после чего и остаются подобные отпечатки. Впервые мы обнаружили это случайно несколько лет назад — служанка забыла в комнате миску с глиной. С тех пор всякий раз, как Хеля погружается в свою спячку, я ставлю за занавесом рядом с ее креслом таз, наполненный воском, глиной или парафином — на случай, если духам вздумается оставить нам на память знак.

— Излюбленное их занятие, — буркнул доктор вполголоса и прибавил громко: — Панна Хелена, должно быть, превосходный медиум. Вы даже не представляете себе, каким исключительным даром оделила ее природа.

— Хеля всего лишь любимица духов, — попытался возражать ксендз, явно недовольный концепцией Проню.

— Не исключено, ваше преподобие, явление это не до конца изучено. Не будем спорить о названии феномена, лучше займемся его исследованием.

После этого разговора доктор Пронь приступил к серии экспериментов с панной Хеленой Лончевской.

Проведя несколько сеансов, ученый пришел к выводу, что племянница ксендза особенно удачно проявляет себя при процессах материализации. Опыты, проводимые почти ежедневно, давали результаты столь удивительные, что Пронь не находил слов от восторга. Окрыленный необыкновенной удачей, он раздобыл аппарат для моментальных снимков с магниевой вспышкой и увековечил целую галерею призраков и фантомов, охотно обретающих отчетливый вид в присутствии панны Хелены. Отчетливостью своей они были обязаны усиленным выделениям астрального субстрата из тела медиума, отчего за время сеанса Хелена страшно теряла в весе. Бывали моменты, когда фигура погруженной в транс девушки начинала пропадать из поля зрения магнетизера, бледнела и словно растворяясь в пространстве. Приходилось прерывать опыт и возвращать спящую в состояние яви.

Ксендз участия в сеансах не принимал, стараясь держаться от этого дела подальше. Будь его воля, он вообще бы эти эксперименты категорически запретил, но на них настаивала Хелена, а желание племянницы было для старика законом. Потому он следил за их опытами издали, довольствуясь краткими отчетами Проню.

Вскоре доктор обнаружил у своей подопечной еще один дар — психометрический. Хелена не только прочитывала письмо, заключенное в конверте, и угадывала предмет, спрятанный в деревянной или металлической шкатулке, но и с легкостью проникала прошлое, рассказывая историю подвергаемых испытанию вещей, стоило их приложить во время сеанса к ее лбу или сердцу.

В достоверности сообщаемых ею сведений психолог убедился лично, выставив на

проверку во время одного из сеансов старинную, прошлого века книгу, которую возил с собой в подручной библиотечке. Хелена не только перечислила имена всех ее прежних владельцев, но и рассказала попутно весьма интригующую историю из жизни умершей пани З., у которой доктор приобрел книгу. Родственники покойной, к которым Пронь обратился за справкой, в мельчайших подробностях подтвердили все, рассказанное панной Лончевской.

После этого случая диковинный музей весьма упрочил свою репутацию в глазах ученого: знаки, признаваемые Хеленой подлинными, становились серьезными свидетельствами, с которыми приходилось считаться.

В течение трех недель доктор Пронь подверг «психометрической ревизии» почти всю коллекцию ксендза и убедился, что мнение медиума о потусторонних печатях, высказанное несколько лет назад, не изменилось ни на йоту — знаки сомнительного происхождения либо фальшивые оставались таковыми и по сей день.

Особое внимание Пронь посвятил «наиценнейшему» экспонату музея, хранимому во втором зале. Он действительно был весьма и весьма оригинальным как по форме, так и по содержанию. К тому же имел непосредственное, можно сказать, родственное отношение к создателю музея и положил начало уникальной коллекции ксендза Лончевского.

Это было то самое странное изображение, копию которого доктор Пронь увидел на правой алтарной створке.

На узком и длинном, более метра, куске белого шелка виден был набросок человеческой фигуры, выполненный углем или сажей. Слегка размытый в контурах рисунок напоминал портрет какого-то высшего церковного иерарха. На такую мысль наводило длинное, ниспадающее до земли одеяние с пелериной на плечах и головной убор, похожий на митру. Особенно запоминающимся был профиль: острый и выразительный, как у посмертных масок сынов старого Рима, — орлиный нос и хищное око с ярым взглядом. В правой руке церковник держал что-то вроде посоха, левой, выкинутой вперед, словно пытался оттолкнуть ужаснувшее его видение.

От фигуры веяло чем-то зловещим, сатанинским даже, и вместе с тем чувствовалась в ней затаенная глубокая мука, вызывающая невольное сострадание.

Так выглядел первый музейный экспонат — ксендз окрестил его «епископом». О происхождении диковинного портрета Лончевский рассказал доктору в костеле после мессы, когда последние верующие покинули храм. Усадив гостя на одну из скамей в боковом нефе, старец поведал следующее:

— Случилось это сорок два года тому назад, в тысяча восемьсот семидесятом, в марте, в мясопустную среду. Отправлялось как раз сорокачасовое богослужение, которое я ввел у себя по римскому образцу. Подходила полночь, я остался один в опустевшем храме. Полным блеском сияло передо мной ярко освещенное Святое Причастие, мерцал в неверных бликах свечей разубранный в шелковые шарфы и ленты главный алтарь, позади меня, в самом центре храма, лучилась красноватым светом негасимая лампада. Тишину прерывал только шепот губ да потрескивание догорающих светильников... Опустившись на колени, припав лбом к алтарной ступени, я возносил жаркую молитву за души тех, что ушли...

А потом... то ли притомленный долгим бдением, то ли по особой какой благодати, но я погрузился в некое странное состояние, похожее на сон или грезу, трудно выразить, и потерял сознание. Как долго это длилось, не знаю точно, только очнулся я, когда в храм уже сочился сквозь витражи рассвет...

Я поднял голову и, глянув на алтарь, заметил, что одна из свечей, накренившись вправо, коптит, и весьма обильно. Испугавшись, как бы огонь не переполз на свисающий с той стороны покров, я подскочил к правой створке, чтобы свечу поправить.

И тут я углядел, что пламя свечи, отстоявшей от нижнего края шелка на несколько дюймов, точнее сказать, не пламя, а струйка копоти, из пламени изошедшая, вычертила на шелковой ткани странную эту фигуру.

Изображение произвело на меня впечатление мощное и таинственное. И до сего дня я уразуметь не могу, отчего событие не такое уж важное и даже случайное пронзило меня до

глубины сердца. Должны же быть этому какие-то основания...

Месяц спустя я велел выполнить для себя копию в том же материале и повесил ее в костеле, оригинал же забрал к себе, с него и начался мой музей.

— Событие более чем удивительное, — прервал затянувшееся молчание доктор Пронь и задумчиво двинулся вслед за ксендзом к выходу...

С тех пор рассказанная Лончевским история не давала доктору покоя. Он постановил во что бы то ни стало испытать «епископа» с помощью своего медиума, но в лице Хелены встретил на сей раз сильнейшую оппозицию: она ни в какую не соглашалась на психометрическую проверку загадочного изображения.

— Не могу, — упорно отбивалась она от его настоятельных просьб, — я просто не могу согласиться, пан доктор. Очень прошу вас не уговаривать меня понапрасну. Что-то меня от этого портрета отталкивает, я вашего «епископа» боюсь. Мне ни за что не войти с ним в тесный контакт.

Пронь, видя неодолимое упорство девушки, внешне вроде бы уступил и несколько дней о «епископе» даже не упоминал.

Тем временем обнаружилось в этом деле еще одно обстоятельство, наводившее на размышления, проступил своего рода тайный след, которым Пронь надеялся добраться до истины.

Напал он на него случайно, во время осмотра «римских сувениров» хозяина, — ксендз Лончевский оказался страстным почитателем Рима: знал святой город насквозь и чувствовал себя в нем как дома. Не было закоулка, которого бы он не обследовал, не было памятника, которым бы не любовался собственными глазами.

— Удивительное дело, — признался он как-то гостю в приливе откровенности, — когда на двадцатом году жизни я впервые попал в Рим, меня не покидало навязчивое ощущение, что я здесь уже бывал. Город показался мне странно знакомым, я моментально, без помощи плана ориентировался в улицах, радуясь старинным палаццо как добрым знакомым. Особенно близкими, чуть ли не родными казались мне кварталы за Тибром, прилегающие к Ватикану: Борго, замок Ангела, Прати. Мощные адриановские стены, узкие и темные улочки, серые портики, таинственные переходы — *corridori* — над крышами домов были мне куда ближе, чем шумливые и прямые, точно по линейке отчеркнутые современные авеню с просторными площадями и замурованными в гранит берегами старого Тибра. Непостижимым для самого себя образом я угадывал перемены, с ходом столетий наступившие в расстановке зданий в старинной части города: мой чичероне был изумлен некоторыми подробностями, неизвестными даже ему, коренному римлянину; тем не менее, предпринятые мною позднее разыскания в истории вечного города подтвердили мою правоту. Ничего удивительного, что меня словно тянет в Рим какая-то неодолимая сила, и я чуть ли не каждый год навещаю любимый город.

Действительно, польский священник совершал частые паломничества в апостольскую столицу и каждый раз привозил с собой на память что-нибудь интересное.

Среди его сувениров обращал на себя внимание альбом с портретами кардиналов эпохи Ренессанса — большая, переплетенная в пергамент книга, вместившая более пятидесяти изображений сановников церкви.

Просматривая альбом, Пронь приковался взглядом к лицу одного из кардиналов XVI столетия — он показался ему до удивления знакомым. Взглянув на заинтересовавший гостя портрет, ксендз усмехнулся как-то странно и прочитал помещенное внизу пояснение:

— Лоренцо Руфредо, кардинал, один из клеветов Александра Шестого* (* Родриго Борджиа, папа с 1492 по 1503 г.), отлученный от церкви следующим папой. Умер на пятьдесят четвертом году жизни загадочной смертью.

— Типичный представитель князей церкви Возрождения, — осторожно заметил Пронь.

— Увы, — с искренним сожалением вздохнул ксендз, — судя по свидетельствам современников, человек он был необузданный и порочный, чем и заслужил вполне свой немилостивый конец. Оригинальное лицо, вы не находите?

— Нахожу, — задумчиво согласился доктор и, пристально глядя в глаза ксендза, добавил: — вещь для меня непонятная, но интересная во всех отношениях: кардинал Руфредо разительно похож на «епископа», чье изображение столь необычайным образом появилось в здешнем костеле, положив начало вашему музею.

Ксендз потупился и расстроенным голосом произнес:

— Вы правы, я тоже заметил это сходство.

Доктор, однако, заметил и еще одно сходство, о котором из деликатности умолчал, не менее удивительное и загадочное: вглядываясь в ксендза Лончевского, он только что сообразил, что в лице польского священника из Долины есть что-то и от надменного итальянского кардинала, и от «епископа», копотью проступившего на покрове. С ксендзом он своим открытием делиться не стал, чтобы не смутить старика окончательно, и в молчании досмотрел остальные портреты из дорогого альбома.

Вечером того же дня, часов около девяти, он тайком проскользнул во второй зал музея и, забрав с собой изображение «епископа», спрятал его у себя в комнате, чтобы на ближайшем сеансе воспользоваться им — без ведома Хелены.

На следующий день девушка, не подозревая подвоха, послушно позволила себя усыпить и под властным взглядом магнетизера быстро впала в глубокий транс. Пронь погасил лампу и зажег свечу, приглушив ее свет абажуром: комната погрузилась в мглистый зеленоватый полумрак.

Быстро вынув принесенный с собой шелковый лоскут, доктор со стороны рисунка прикрыл им лицо спящей, после чего особыми пассажами углубил состояние транса. Через несколько минут девушка испустила тяжкий вздох, похожий на стон, тело ее, до того закоренело выпрямленное, стало изгибаться в конвульсиях. Внезапно она сорвала с лица тряпку и подалась вперед. Экспериментатор с удовлетворением констатировал, что процесс материализации начался...

От головы медиума, от пазух, от лона исходили гибкие флюидические волны: переплетаясь, скручиваясь в спирали, они густели и уплотнялись, обретая форму: в зеленоватом сумраке комнаты начал смутно вырисовываться человеческий силуэт.

Доктор подошел к окну опустить штору и, обернувшись через секунду, невольно вскрикнул от изумления: рядом с креслом Хелены, по правую ее руку стоял уже материализовавшийся «епископ». Демоническое лицо фантома, повернутое к ученому профилем, было сведено в судорожную гримасу, горящим взором он всматривался во что-то перед собой с выражением несказанного ужаса, подобно библейскому Валтасару, узревшему на стене пиршественного зала зловещие письмена.

В этот миг с уст медиума сорвались хрипловатые, сдавленные мукой слова:

— *Ecce cardinalis Rufredo!** (* Вот кардинал Руфредо! (лат.)).

Призрак закрыл руками лицо и отшатнулся назад, словно во избежание удара.

— *Vexilla rigis prodeunt inferni!** (* Вот он, вставший под знамя ада! (лат.)).

В ответ раздался протяжный стон, похожий на посвист ветра.

— *Grema beris igne aeterno!** (* Огнем вечным будешь наказан! (лат.)) — изрекся устами спящей безжалостный приговор.

Обессиленная Хелена откинулась на спинку кресла.

Фантом тем временем начал загадочно преображаться: пропала с головы стрельчатая митра, растворился в воздухе посох; исчезли знаки высокого церковного сана, и сквозь кичливую кардинальскую маску стал проступать кроткий, благостно улыбающийся лик ксендза Лончевского...

Не веря своим глазам, Пронь приблизился к ксендзу и даже протянул руку, чтобы его коснуться. Однако призрак, испугнутый этим жестом, отпрянул от него.

— *Noli me tangere!** (* Не прикасайся ко мне! (лат.)) — раздалось из кресла строгое предостережение.

Доктор вернулся на прежнее место, с изумлением наблюдая дальнейшую трансформацию.

Лицо ксендза расцветало непостижимо-блаженной улыбкой умиротворения и счастья; возложив руку на голову спящей племянницы и возведя глаза кверху, он, казалось, сосредоточился в бессловесной молитве. Затем фигура его начала полегоньку отделяться от пола и, приняв коленопреклоненную позу, со сложенными на груди руками, растаяла в воздухе...

Не успел Пронь разобраться в значении феномена, как панна Хелена, издав болезненный вскрик, самопроизвольно проснулась. Усилием воли стряхнув с себя оцепенение, она вихрем сорвалась с кресла.

— Дядя! — крикнула она дрожащим, полным смертельного страха голосом. — Что с моим дядей?

— Ничего, — попытался ее успокоить Пронь,
— читает, наверное, в своей комнате.

— У меня дурное предчувствие. Немедленно идемте к нему!

И она повлекла его за собой в комнату ксендза.

Они ворвались, не спрашивая разрешения. Ксендз сидел за своим бюро, освещенный светом настольной лампы. Одной рукой он подпирал низко опущенную голову, другой прижимал к губам небольшое распятие.

— Дядюшка! — испуганно позвала его Хелена.

— Дядя!

Старец молчал. Она подбежала к нему и закинула руки ему на шею. Сидящий медленно стал сползать с кресла на пол.

— Езус Мария! — в ужасе крикнула девушка, склоняясь над ним.

Доктор Пронь опустился на корточки рядом и, тщательно проверив сердце и пульс, вполголоса объявил:

— Мертв.